

ность и обещание постараться плечом к плечу с доблестной Красной Армией нанести тяжелые удары фашистским завоевателям.

Уважающий Вас Командир 1-й отдельной чехословацкой бригады
полковник Свобода

Публикуется по архиву.

¹ См. примеч. 1 к док. 215, а также док. 239, 254.

257

Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А. Е. Корнейчука с послом Чехословакии в СССР З. Фирлингером о подготовке к заключению советско-чехословацкого договора¹

Москва

7 июля 1943 г.

Сегодня в 17 часов я принял чехословацкого посла Фирлингера по его просьбе. После обмена мнениями о положении на советско-германском фронте Фирлингер перешел к обсуждению вопроса о заключении советско-чехословацкого пакта, что, видимо, и являлось основной целью его прихода.

Он начал с того, что его ожидания по поводу этого пакта осуществились не полностью, и, хотя Бенеш и все чехословацкое правительство решили вопрос о чехословацко-советском пакте вполне положительно, тем не менее с его заключением произошла заминка. Он хотел бы посоветоваться со мной по этому вопросу.

Далее Фирлингер заявил, что у него лично сложилось впечатление о полном одобрении со стороны англичан и американцев инициативы Бенеша и он, Фирлингер, стал уже по поручению Бенеша разрабатывать проект пакта. Он предусматривал в этом проекте взаимопомощь в случае неспровоцированной агрессии, а также консультации в самом широком смысле слова как по политическим, так и по экономическим вопросам, включая все проблемы возрождения страны после войны. Проект такого пакта был уже готов, как вдруг «Иден наложил свое вето»². Фирлингер при этом добавил: «Я рад, что вы занимаете такую твердую позицию, и хотя мне Бенеш советует теперь не вмешиваться, так как дело приняло деликатный оборот, но я все же хотел бы обменяться мнениями и получить дополнительную информацию».

Фирлингер сказал также, что Бенеш не хотел, чтобы создались какие-либо затруднения во взаимоотношениях Англии и СССР, и сослался затем на то, что Иден якобы документально доказал Бенешу, что советское правительство обещало не заключать договоров с малыми странами, затрагивающих послевоенный период. При этом Фирлингер упомянул, что Майский якобы занимал более «гибкую» позицию перед Иденом, когда шла речь об этой договоренности.

Сейчас же для Бенеша создалась трудная ситуация. «Между нами говоря, — закончил эту часть своей беседы Фирлингер, — Бенеш понимает, что без такого договора он лично не мог бы поехать домой».

В ответ на все это я заявил Фирлингеру, что никаких соглашений с англичанами, о которых говорил Иден Бенешу, мы не имеем. Наши взаимоотношения с англичанами регулируются известным договором от 26 мая 1942 г.³ Документы, которые якобы предъявил Иден Бенешу, нам неизвестны, и мне непонятно, что заставило Идена занять такую, с моей точки зрения, странную позицию. Я задал вопрос: может

быть, послу известно, какие аргументы выдвинул Иден против заключения пакта о взаимопомощи между Чехословакией и СССР? Фирлингер ответил, что он не знает таких аргументов.

Я сказал, что мне непонятно, о каких затруднениях между СССР и Англией может идти речь в связи с заключением договора, ведь договор только укрепляет единый фронт борьбы. Фирлингер с этим согласился.

Я продолжал, что, как мне кажется, никаких аргументов против такого договора Иден выдвинуть не может, ибо договор служит делу укрепления всего фронта борьбы Объединенных наций против гитлеровской тирании.

Далее я развил мысль, что договор между Чехословакией и СССР не только был бы новым вкладом в дело укрепления единства Объединенных наций, но он был бы особенно важен для славянских народов, которым в первую очередь угрожает немецкая агрессия. Неудобство, которое якобы имеет Иден в связи с заключением такого пакта, не может быть понято нами, ибо политическое значение договора между нашими странами достаточно велико для будущего послевоенной Европы. На замечание Фирлингера, что Иден настаивает на подписании декларации, но не договора, я ответил, что собственно декларировать нашим двум странам о своей дружбе вновь вряд ли нужно сейчас, так как всему миру известны наши дружественные отношения до Мюнхена и после Мюнхена, а также в процессе нынешней войны. Наши народы борются сейчас рука об руку против общего врага. Что же касается позиции Майского во время переговоров с Иденом, то я сказал, что Майский не мог занимать иной позиции в этом вопросе, чем Советское правительство. А Советское правительство, как известно, не подписывало никаких соглашений по этому поводу и не давало никаких обещаний в том духе, как об этом говорил Иден.

Продолжая обмен мнениями, Фирлингер далее заметил, что Иден своим поведением компрометирует сейчас Бенеша. Англия до сих пор не признала наши домюнхенские границы, а Советский Союз заявил о признании этих границ. Фирлингер высказал еще предположение, не связана ли позиция англичан с польским вопросом.

Я ответил, что, может быть, действительно реакционные поляки возражают против такого договора, но после заявления И. В. Сталина о нашей позиции по отношению к Польше⁴ не может быть никакого сомнения в том, что предполагающийся договор между Чехословакией и СССР не будет направлен против польского народа, против свободной и независимой Польши. Затем я добавил, что, как мне кажется, в этом вопросе также могут быть найдены различные формы, чтобы дать понять, что этот договор не направлен против поляков.

Фирлингер сказал, что возможно влияние поляков на Рузвельта, ибо они в США играют довольно большую роль. Я выразил свое сомнение по этому поводу, указав на то, что реакционные поляки сами на весь мир трубят, в своих целях, о большом влиянии их на государственных деятелей Соединенных Штатов и Англии, но я лично этого не думаю.

Фирлингер согласился с моим мнением. Он заявил в конце беседы, что все же остается оптимистом, тем более что мы дали полную возможность Бенешу всесторонне обдумать и обсудить создавшееся положение.

Я уверен, сказал Фирлингер, что, несмотря на все трудности, договор будет заключен.

Далее беседа коснулась вопроса о воинской чехословацкой части в СССР, о ее пополнении за счет военнопленных словаков⁵ и о чехословацких военных в Англии. Фирлингер с сожалением заметил, что чехословацкие солдаты и офицеры в Англии скучают без дела и многие из них уже выражают свое желание поехать в СССР для борьбы в рядах чехословацкой бригады⁶.

Заканчивая беседу, Фирлингер вновь вернулся к вопросу о чехословацко-советском договоре, выразив надежду, что все окончится хорошо.

А. Корнейчук

Публикуется по сб.: Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 95—98.

¹ См. примеч. 1 к док. 324.

² См. док. 251.

³ См. примеч. 1 к док. 155.

⁴ См. примеч. 3 к док. 234.

⁵ См. примеч. 1 к док. 215, а также док. 237, 254.

⁶ Для чехословацких воинских формирований в СССР важной была проблема командных кадров. Эту проблему чехословацкие военные органы в Лондоне намеревались решить путем направления в чехословацкие подразделения в СССР чехословацких офицеров из Англии и с Ближнего Востока. С учетом того, что формирование созданное в СССР, должно было по замыслам лондонского правительства обеспечить достижение политических целей буржуазии после возвращения на родину (см. примеч. 3 к док. 111), чехословацкое командование обычно не направляло в СССР тех офицеров, которые были известны своими прогрессивными взглядами и которые сами просили командиров послать их в Советский Союз.

При создании 1-й отдельной чехословацкой бригады в СССР проблема командных кадров стала еще более актуальной. Министерство национальной обороны Чехословакии бюрократически настаивало на соблюдении положений военных уставов и предписаний домюнхенской республики и не хотело производить в офицеры солдат, которые уже проявили себя в боях, тормозило повышение в звании отличившихся младших офицеров и т. п. Чехословацкие военные органы настаивали, чтобы в бригаду были направлены новые офицеры из Англии. Эти офицеры должны были оказывать определенное политическое влияние на чехословацких военнослужащих в СССР. Так, например, в январе 1944 г. в 1-ю отдельную чехословацкую бригаду прибыла группа офицеров из Англии, из которых пять человек впоследствии были высланы из Советского Союза за то, что они «систематически вели злостные анти-советские разговоры», что в конце концов вынужден был признать и Г. Пика (VNA, Praha, CSVN SSSR, 3/3 depeše z 10.III 1944).

Советское правительство пошло навстречу просьбам командования чехословацких воинских частей и создало возможности для подготовки командных кадров в советских военных училищах. Ряд чехословацких офицеров, прибывших из Англии или с Ближнего Востока, честно справился со своими боевыми задачами, многие из них пали в боях за освобождение Чехословакии.

Из телеграммы посла в СССР З. Фирлингера президенту Чехословакии Э. Бенешу по вопросу о подготовке к заключению советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве¹

Москва

14 июля 1943 г.

...2. Корнейчук, говоря от имени правительства, сказал мне примерно следующее:

Сообщение о том, что Вы откладываете отъезд, они принимают во внимание и ни на чем не настаивают. Тем не менее они не понимают Вашего колебания в деле подписания договора, который с точки зрения союзнических интересов не имеет недостатков; он даже желателен и предоставляет нам большую гарантию. Они не говорят, что до-